

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК РЕСУРС АТТРАКТИВНОСТИ ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЫ КАЛУГИ¹

.....

Казакова А. Ю.

Казакова Анна Юрьевна,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
248023, Россия, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26.
Эл. почта: kazakova.a.u@yandex.ru

На фоне слабой разработанности в современной отечественной социологии проблематики субурбанизма анализ источников укрепления локальной идентичности жителей пригородных зон российских городов представляется теоретически и практически значимым. Пригородная зона Калуги является сегодня малопривлекательным для постоянного проживания местом. Баланс поселенческой структуры пригорода поддерживается въездной миграцией и ротациями сельских и городских жителей. Развитие пригородов сдерживается скудостью социально-бытовой и социокультурной инфраструктуры в условиях сельского населенного пункта как постоянного места жительства. Важным барьером развития пригородного образа жизни, кроме потребительских качеств жизненной среды, является территориальная стигма ее семиотической бедности, культурной эксклюзии, формирующая у жителей негативную территориальную идентичность. Содержание стигмы (культурное однообразие, отсутствие достопримечательностей, свидетельствующих о причастности к общей истории и традициям поселения, в данном случае — города) далеко не всегда соответствует объективным потребительским характеристикам территории, ее качеству как жилой среды. Рассматривая связь между семиотической насыщенностью территории и территориальной идентичностью жителей, мы приходим к выводу об их нелинейной связи: отсутствие знаковых локусов снижает престижность микрорайона и — опосредованно — оценку благоприятности жизненных условий, но само избирательное внимание к сохранности памятников, культурной самобытности слабо от него зависит и неравномерно распределяется между разными функциональными зонами города. Поскольку жителей пригородов характеризует обостренная чувствительность к вопросам сохранения городом культурной самобытности, важным средством повышения привлекательности образа среды мы считаем ревалоризацию объектов культурного наследия и особо охраняемых территорий. Осмотрительное и строго контролируемое вовлечение объектов культурного наследия в зону публичного использования способно повысить рекреационный, идентификационный и туристический потенциал калужской пригородной зоны.

Ключевые слова: территориально-поселенческие общности, качество жизненной среды, аттрактивность, объекты культурного наследия.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проект № 15-13-40601 е(р) «Социальные факторы сохранности исторической памяти как основы территориальной идентичности локальных городских сообществ».

Актуальность и изученность темы

В ходе жилищного строительства и повышения территориальной мобильности населения развиваются пригороды; горожане переселяются в ближние села и поселки, сочетая занятость в городе с преимуществами сельского образа жизни. Но будущее предместий неоднозначно из-за низкого качества жизни в них.

Основы социологической теории пригорода заложены в конце 1950-х гг. в работах С. Фавы, утверждавшей наличие особого пригородного образа жизни и искавшей концептуальные подходы к его изучению. Сегодня большая часть крупных исследований пригородов недоступна на русском языке; в современной отечественной литературе тема рассматривается редко; мировой опыт аналитически обобщается лишь в книге А. В. Никифорова «Рождение пригородной Америки» (2002), а монографическое описание современных российских пригородов впервые появляется лишь в 2013 г. (Григоричев, 2013). Анализ ресурсов пригородных территорий для оценки их градостроительных перспектив встречается редко (Желясков, 2001; Волкова, 2014; Волкова, 2015а; Волкова, 2015б).

Как средство повышения привлекательности пригородных населенных пунктов мы рассматриваем актуализацию мнемической, идентификационной, рекреационной функций пригородных объектов культурного наследия². Для анализа их роли в формировании социальной памяти мы обратились к перечням недвижимых памятников истории и культуры Российской Федерации на порталах Министерства культуры РФ и Калужской области, а также к данным проведенного нами в сентябре 2014 — марте 2015 г. опроса калужан по проблемам развития городских и сельских территорий³.

Пригородная зона Калуги: динамика поселенческой структуры

Большая часть населенных пунктов, входящих в пригородную зону современной Калуги, возникла естественным путем. Импульсами к целенаправленному созданию и интенсивному развитию других становились в разное время: строительство дворянских усадеб (Росва, Тихонова пустынь, Большая Каменка, село Георгиевское, Грабцево, Доможирово, Козлово, Рождествено, Чижовка); развитие промышленности и транспорта и потребность в обслуживающих его специалистах (ж/д станции Горенская, Тихонова пустынь, Муратовский

² Далее в тексте – ОКН.

³ Использовалась территориальная стратифицированная двуступенчатая выборка объемом 1536 чел., рассчитанная по доле населения микрорайонов и населенных пунктов МО «Город Калуга» в генеральной совокупности; контролировалось соблюдение половозрастных квот и присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами и общежития); сбор данных проведен методом личного маршрутного интервью рядом с жилыми домами, расположенными на улицах района, в случае утвердительного ответа на вопрос-фильтр о постоянном проживании пешехода в отобранном доме. В качестве основных методов использовались автоматизированный (IBM SPSS Statistics, 20-я версия) однофакторный дисперсионный, регрессионный, дискриминантный анализ.

Щебзавод), включая новейшее корпоративное строительство (коттеджный поселок «Международная деревня» для специалистов автокластера); переделы собственности (монастырских, помещичьих, колхозных земель после революции и в 1990-е гг.); коммерческое жилищное строительство (коттеджные поселки Косьмово клуб, Сосновый Бор, Берестяное, Калуга Кантри, Радуга); реализация государственных и муниципальных целевых программ (коттеджные поселки Воскресенское, Швейцарская деревня); новые социальные институты, гражданские и общественные движения, требующие самоизоляции (экопоселения как ответ на развитие института приемной семьи или как форма религиозной самоорганизации, борьбы с аддиктивным поведением).

Итог — неравномерная заселенность: к наиболее обжитым частям пригородной зоны относятся юго-западная (30% населения) и западная (26%), на северное и северо-западное направление приходится по 14% всего сельского населения Калуги, на юге живет около 12%, а население восточной части стремится к нулю. Основными направлениями динамики является сокращение количества населенных пунктов и разнообразия их типов, укрупнение, слияние с городом, исчезновение. Абсолютная убыль населения невелика: по результатам переписи 2002 г. численность сельских жителей МО «Город Калуга» составила 15882 чел., на 01.01.2011 г. — 15666, а на 01.01.2013 г. — 14790 чел. Но относительная убыль за два года превысила относительную убыль за десятилетие почти в шесть раз, и при этом наблюдается депопуляция целых населенных пунктов. Сокращение численности населения ведет к снижению качества жизни оставшихся жителей в плане транспортного, социально-бытового, социокультурного обслуживания.

Однако чаще всего мы имеем дело не с убылью как таковой, а с сезонными колебаниями численности и ротациями населения. Они связаны с новыми тенденциями территориального поведения горожан, выражающимися в сезонных или ежедневных челночных миграциях между несколькими местами жительства, что вызвано изменениями жилищно-ресурсной обеспеченности и новыми паттернами трудового и досугового поведения, основанными на менее оседлом образе жизни. В сезон растет численность населения и активизируется деятельность мелкого бизнеса, обслуживающего потребности отдыхающих. Локальные общности пригородов мобильнее, чем во «внутреннем городе». Пригороды меняют свои границы, структуру и функции намного чаще и быстрее ввиду того, что для значительной части жителей населенный пункт, где расположен используемый объект недвижимости, не является основным и (или) постоянным местом жительства.

Тем не менее из-за неравномерности развития пригородов, общего отставания от «внутреннего города» в благоустройстве и качестве предоставляемых жителям коммунальных услуг, в наличии рабочих мест, в эстетичности и комфортности публичных пространств пригородная зона остается малопривлекательным местом для постоянного проживания. Естественные тенденции пригородного

расселения и целенаправленная градостроительная и социальная политика муниципальных властей не совпадают; ряд населенных пунктов характеризуется только сезонным использованием, что в перспективе способно привести к их депопуляции.

Семиотическая «бедность» пространства как источник дискомфорта

Основные проблемы развития пригородной зоны Калуги определялись нами еще в 2013 г.⁴ с помощью сплошного ивент-анализа муниципальной газеты «Калужская неделя» за период с 1.01.2011 г. по 31.12.2012 г. В 123 статьях, посвященных проблемам пригородов, самой актуальной стала проблема транспорта (24% материалов); далее шел досуг и качество социального окружения, на которые приходится по 19% и 18% соответственно; затем — вопросы ЖКХ (16%); немаловажными оказались проблемы занятости (5%), бытового обслуживания (4%) и работы дошкольных учреждений (4%); медицинское обслуживание и среднее образование обсуждались соответственно в трех статьях (1,5%) и одной (0,81%). Эти проблемы часто упоминались и населением, чей образ жизни и его типовые сложности реконструировались нами в 2013 г. на основании опроса 214 жителей, отобранных по типологическому методу пригородных сел и поселков МО «Город Калуга».

Таким образом, на формирование пригородного образа жизни в современной российской провинции сильно влияет скудость социально-бытовой и социокультурной инфраструктуры в условиях сельского населенного пункта как постоянного места жительства. Развитие пригородов сдерживается не только инфраструктурой, но и негативной территориальной стигмой. О ее наличии свидетельствует частая «сверхкатегоризация» («Я — житель Калуги, а не: Шопино, Мстихино, Григоровки и т.д.») уроженцев и подчеркнутое дистанцирование от местного населения у одного из выделенных нами подтипов «сезонных» жителей — увлеченных дачниц. Основа стигматизации — представление о бедности не только экономической, но и культурной, о том, что пригород — это только природа, но не культура, что сама его жизненная среда исключает досуг за пределами дачного участка и вне шаблона «пикника с шашлыками» или сбора грибов и ягод.

Представление о «выброшенности» пригородов за пределы историко-культурного пространства Калуги не соответствует действительности. Конечно, абсолютное количество расположенных в пригородной зоне Калуги материальных ОКН невелико: от 29 (согласно перечню ОКН, включенных в федеральный реестр) до 39, согласно сводному перечню, составленному нами на основе сопоставления списков Министерств культуры Российской Федерации и Калужской области. На долю пригородов (см. рис. 1) приходится от 5 до 8% калужских недвижимых ОКН.

⁴ В рамках работ по гранту РГНФ, проект № 13-13-40003 а(р) «Пригородный образ жизни в современной российской провинции: социальная база, проблемы и перспективы развития».

Рис. 1. Доли недвижимых ОКН в функциональных зонах Калуги исходя из сводного перечня

Но предметная среда пригорода по сравнению с внутренним городом более разрежена. Различный уровень насыщенности городского пространства мнемическими объектами следует оценивать не через абсолютную численность, а по удельному весу ОКН в составе гражданской застройки или через отношение их количества к площади территории. Важна и насыщенность повседневно-бытового (непубличного) пространства мнемическими объектами, которую выражает количественное доминирование в составе зданий — ОКН памятников жилой архитектуры или выполняющих жилые функции.

Безусловно, концентрация ОКН, в том числе жилых по своему исходному предназначению и текущему использованию, максимальна именно в пределах исторического центра. Но какова связь между этой насыщенностью и территориальной идентичностью, прямая она или обратная, — вопрос неоднозначный. С одной стороны, пространство с высокой семиотичностью как жилая среда создает отличные предпосылки для ориентации в культурно-историческом хронотопе, для самокатегоризации и самоотождествления. С другой стороны, избыток этой семиотичности снижает узнаваемость и ценность исторических зданий в восприятии жителей.

В статье П. С. Куприянова и А. В. Садовниковой отмечено: «несмотря на чрезвычайную насыщенность старинными постройками, Зарядье 1930–1960-х гг. в восприятии местных жителей не обладало никаким специфическим мемориальным статусом. Эти постройки органично входили в окружающий ландшафт и вместе с другими его элементами формировали образ места, сообщая ему определенное значение — жилого района /.../ даже наиболее специфические локусы и предметы воспринимались как элементы не исторического, а повседневного ландшафта» (Куприянов, Садовникова, 2010).

Анализ данных, собранных нами в 2014–2015 гг., показал наличие крайне слабой, но статистически значимой связи оценок жизненной среды горожанами (благоприятность жизни в городе, районе, престиж района) с сохранностью социальной памяти, физической (наличие ОКН) и семиотической (ценность ОКН, культурной самобытности).

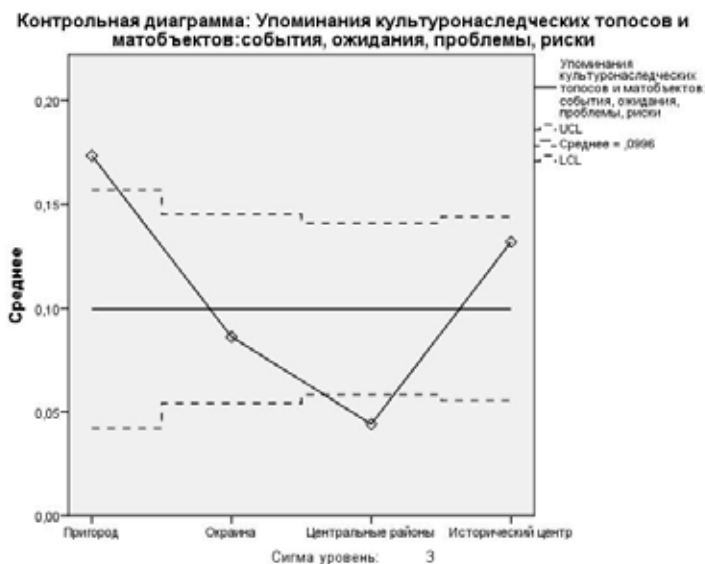

Рис. 2. Внимание жителей к ОКН: средние для функциональных зон города значения

От реального соседства респондента с ОКН совершенно не зависят оценки города в целом, но до некоторой степени зависит оценка престижности района (стандартизованный бета-коэффициент 0,163 со значимостью 0,000, F-критерий в рамках дисперсионного анализа 41, 419 со значимостью 0,000), что слегка повышает (стандартизованный бета-коэффициент 0,076 со значимостью 0,003, F-критерий 8,774 со значимостью 0,003) и оценку благоприятности условий жизни в нем.

Жители оценивают город несколько лучше, если не замечают угроз для сохранности его материальной культуры и традиционного жизненного уклада (стандартизованный бета-коэффициент $-0,058$ со значимостью 0,025, F-критерий 5,006 со значимостью 0,025). Примерно таковы же по силе, знаку и значимости связи с оценкой и престижности (стандартизованный бета-коэффициент $-0,062$ со значимостью 0,016, F-критерий 5,833 со значимостью 0,016), и благоприятности района (стандартизованный бета-коэффициент $-0,051$ со значимостью 0,046, F-критерий 3,990 со значимостью 0,046).

Кроме того, наши данные показали, что повышенной «чувствительностью» к вопросам культурного наследия, сохранности ОКН обладают жители двух полярных по месту в физическом и социальном пространстве локальных общностей: исторического центра и пригородной зоны (см. рис. 2).

Именно здесь чаще волнуются за судьбу исторической застройки, за сохранность культурной самобытности Калуги в условиях всплеска въездной миграции и приближения границ Москвы. Здесь же наблюдается самая высокая семиоти-

ческая насыщенность пространства по сравнению с обедненной, монотонной средой молодых центральных районов города и окраин.

Примечательна нелинейность связи между реальным количеством ОКН и вниманием к ним населения, которое нетипично высоко у жителей пригородов, тогда как у жителей исторического центра соответствующее значение укладывается в пределы контрольного диапазона. Вероятно, в условиях чрезмерной знаковой насыщенности пространства (в историческом центре) каждый отдельный объект теряет «выпуклость», узнаваемость, «размывается» в общем знаковом потоке. Поэтому, как показал анализ соответствий, переменная «Количество ОКН, расположенных на улице, где проживает респондент», обуславливает всего лишь 5% вариации признака «Внимание респондента к проблемам культурной самобытности и сохранности ОКН».

Объяснение этому находим в уже цитированной работе: «Воспоминания... возникают..., когда жители района превращаются в бывших жителей и... осваивают новый повседневный взгляд на пространство. Источником такого взгляда является позиция Туриста, противопоставляемая позиции Жителя по признаку внешнее/внутреннее. Переход из повседневной реальности в повседневную связан с отстранением, превращением «своего» в «иное» (Куприянов, Садовникова, 2010). Положению жителя пригорода вполне соответствует, с одной стороны, взгляд «туриста», выезжающего в центр внутреннего города для приобщения к «культуре», которой он не находит в пределах ближайшей пространственной среды своего повседневного обитания, с другой — более настоятельная, чем у жителя исторического центра, потребность претендовать на символическое «владение» культурным пространством города.

Данные опроса указывают на несколько возможных источников этой повышенной потребности. Самым важным среди них является негативная территориальная стигма, субъективное переживание которой выражается, в частности, в довольно отчетливой обратной зависимости между вниманием горожан к ОКН и оценкой престижности их района (r Спирмена = $-0,389$ со значимостью $0,012$ на уровне значимости $0,05$).

Влияет на субъективную ценность сопричастности историческому прошлому и чувство внешней угрозы в виде притока мигрантов и обеспеченных соотечественников, прежде всего москвичей, скупающих земли под коттеджную застройку (r Спирмена = $0,372$ со значимостью $0,017$ на уровне значимости $0,05$). Эта тема часто появляется у респондентов из пригородов и реже у жителей частного сектора «внутреннего города» в ответах на открытые вопросы о том, в чем они видят угрозы своему благополучию и главные проблемы жизни в своем микрорайоне и городе в целом.

Наконец, нельзя не учитывать и различный характер ОКН, расположенных в пригороде и во внутреннем городе. Пригородные ОКН — это культовые объекты, захоронения, аварийные или руинированные остатки усадебных и произ-

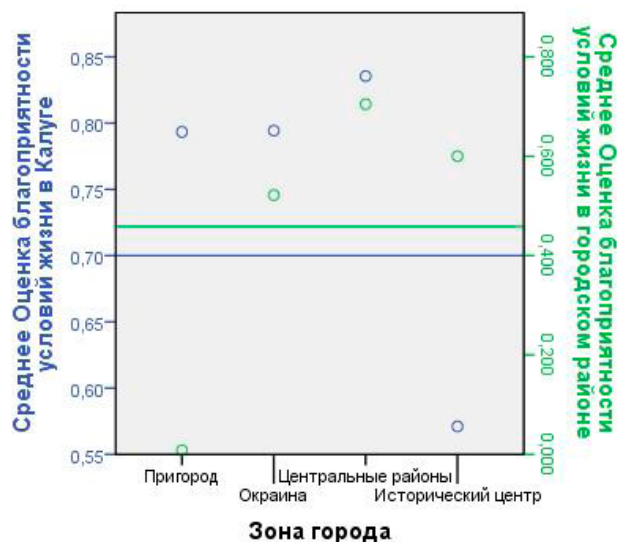

Рис. 3. Внимание жителей к ОКН: средние для функциональных зон города значения водственных комплексов. Их нельзя использовать, их можно только осматривать или показывать другим. ОКН внутреннего города разнообразны по составу, физическому состоянию, стилистике; они встроены в повседневную жизнь города, составляя рамку актуализации множества его функций. Процесс использования потребителем прагматических функций недвижимых ОКН (жилые, административные, деловые, бытовые и пр.) сопряжен и с произвольной или непроизвольной фиксацией и интерпретацией их семиотического «контента».

Жители молодого центра и окраин — функциональных зон с минимальной насыщенностью ОКН — воспринимают свою жизненную среду как благоприятную значительно чаще, чем жители пригородов и исторического центра (см. рис. 3). Исходят они при этом, как показывают ответы, характеризующие типичные для города и района проблемы, прежде всего из уровня благоустроенности, инфраструктурной развитости. Поэтому корреляция Спирмена (двусторонняя, на уровне значимости 0,01) для массива ответов горожан в целом показывает слабые отрицательные связи между реальным количеством ОКН вблизи места жительства респондента и его оценками жизни в городе ($-0,079$ со значимостью 0,002) и микрорайоне/населенном пункте в составе города ($-0,070$ со значимостью 0,007).

Оценки жителями исторического центра и пригорода благоприятности среды микрорайона (населенного пункта) и города характеризуются высокой расхождением в целом. Жители исторического центра комфортно чувствуют себя в собственном районе, негативно характеризуя обстановку в городе в целом, жители пригородов — наоборот.

В условиях сформированной установки на ценность ОКН и мемориальных мест, избирательного внимания к проблемам культурной самобытности, выраженной у жителей пригородов сильнее, чем у других жителей Калуги, реабилитации пригородных территорий может способствовать актуализация семиотических функций расположенных на них ОКН. В первую очередь необходима узнаваемая маркировка ОКН, обозначение его физических границ, обеспечение мер физической сохранности и установление символической связи между историческим прошлым и насущными потребностями и интересами современных жителей. В случае, если это не противоречит требованию физической и семиотической сохранности, желательна ревалоризация памятника для его вовлечения в зону публичного использования: «Наиболее эффективный способ сохранения и популяризации исторической среды представляет вовлечение открытых пространств в социальный оборот путем развития пешеходных зон и их инфраструктуры. Созданию комфортной обстановки в историческом центре способствуют его благоустройство, озеленение, освещение и установка малых архитектурных форм, сомасштабных окружающей застройке и соответствующих эстетике среды. Недостаток гармонии, игнорирование традиций, перегруженность пространства могут привести к проблемам восприятия, потере чувства безопасности и комфорта, сделать открытое пространство непривлекательным и недружественным» (О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия, 2005).

Калужские пригороды располагают всем необходимым рекреационным потенциалом для развития пеших экскурсионных маршрутов: эстетическая привлекательность и природное разнообразие ландшафта, пешая доступность (расстояние от центра внутреннего города до наиболее удаленной точки 45 км), наличие целостных усадебных, монастырских комплексов, включающих объекты садово-паркового искусства. Их музеефикация по принципу музеев под открытым небом способна повысить не только рекреационный и идентификационный (для местных жителей), но и туристический потенциал пригородной зоны.

Библиографический список

1. Волкова, Т. Ф. (2014). Исследование потребительских качеств городской среды. *Перспективы науки и образования*, 3 (9), 109–113.
2. Волкова, Т. Ф. (2015а). Методы реконструкции городской среды. *Современные научные исследования и инновации*, 4. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/04/51758>.
3. Волкова, Т. Ф. (2015б). Основы предпочтительности проживания в пригородной зоне. *Современные научные исследования и инновации*. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/50459>.
4. Григоричев, К. В. (2013). *В тени большого города: социальное пространство пригорода*. Иркутск: Оттиск.

5. Желясков, А. Л. (2000). *Особенности размещения хозяйственных центров при землеустройстве сельскохозяйственных предприятий пригородной зоны (на материалах Северного Казахстана)*: дис. ... канд. экон. наук. Москва.
6. Куприянов, П. С., Садовникова, Л. В. (2010). Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья). *Антропологический форум*, 11, 379–407.
7. Никифоров, А. В. (2002). *Рождение пригородной Америки. Социальные последствия и общественное восприятие процесса субурбанизации в США (конец 40-х-50-е гг. XX в.)*. Москва: Эдиториал УРСС.
8. О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 1 ноября 2005 года № 1681 (2005). Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/8421327>.

.....

OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE AS A RESOURCE OF ATTRACTIVENESS OF THE SUBURBAN AREA OF KALUGA

Kazakova A. Y.

Kazakova Anna Yuryevna, Kaluga state University named after K. E. Tsiolkovsky,
48023, Russia, Kaluga, ul. Stepana Razina, 26. E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Due to weak elaboration of suburbanistic perspective in contemporary sociology the analysis of sources of local identity of residents of the suburban zones of Russian cities strengthening seems to be theoretically and practically significant. Suburban area of Kaluga today is not attractive for permanent living place. The balance of suburbs' settlement patterns is supported by inbound migration and rotations of rural and urban residents. Suburban development is constrained by scarce social and socio-cultural infrastructure in rural locality as a permanent place of residence. An important barrier to the development of suburban lifestyles, in addition to consumer qualities of the life environment, is its territorial stigma of semiotic poverty, cultural exclusion, which forms the inhabitants' negative territorial identity. The contents of stigma (cultural monotony, lack of interest, evidence of involvement in the general history and traditions of the settlements, namely, cities) do not always correspond to objective consumer characteristics of the area, to its quality as a living environment. Considering the relationship between the semiotic richness of the territory and territorial identity of the inhabitants, we come to the conclusion that they are non-linear communication: the lack of significant loci reduces the prestige of the neighborhood, and, indirectly, the favorability of living conditions evaluation, but selective attention to the preservation of monuments, cultural identity depends on it weakly and is distributed between different functional areas of the city unevenly. Reclamation of cultural heritage sites and protected areas is able to increase the attractiveness of the environmental image. Cautious and strictly controlled inclusion of cultural heritage in the area of public use is able to increase recreational, identity and tourism potential of Kaluga suburbs.

Key words: territorial-settlement communities, quality of life environment, attractiveness, cultural heritage.

References

1. Volkova, T. F. (2014). Issledovanie potrebitelskikh kachestv gorodskoy sredy [The study of consumer qualities of the urban environment]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 3 (9), 109–113.

2. Volkova, T. F. (2015a). *Metodyi rekonstruktsii gorodskoy sredy* [Methods of reconstruction of the urban environment]. *Sovremennyye nauchnyie issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 4. Retrieved from: <http://web.snauka.ru/issues/2015/04/51758>.
3. Volkova, T. F. (2015b). *Osnovy predpochtitelnosti prozhivaniya v prigorodnoy zone* [The basis of preference of living in a suburban area]. *Sovremennyye nauchnyie issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 3. Retrieved from: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/50459>.
4. Grigorichev, K. V. (2013). *V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda* [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs]. Irkutsk: Ottisk.
5. Zhelyaskov, A. L. (2000). *Osobennosti razmesheniya hozyaystvennyih tsentrov pri zemleu-stroytve selskohozyaystvennyih predpriyatiy prigorodnoy zonyi (na materialah Severnogo Kazahstana): dis. ... kand. ekon. nauk* [Features of placing of shopping centres in the land management of agricultural enterprises suburban area (North Kazakhstan): dis. ... candidate. econ. sciences]. Moskva.
6. Kupriyanov, P. S., Sadovnikova, L. V. (2010). *Mesto pamyati v pamyati mestnyih: Kulturnyye smysly gorodskogo prostranstva (po materialam intervyyu zhiteley moskovskogo Zaryadya)* [The role of memory in the local memory: Cultural meanings of urban space (on the materials of interviews with people from Moscow Zaryadye)]. *Antropologicheskyy forum* [Forum for Anthropology and Culture], 11, 379–407.
7. Nikiforov, A. V. (2002). *Rozhdenie prigorodnoy Ameriki. Sotsialnyie posledstviya i obschestvennoe vospriyatie protsessa suburbanizatsii v SShA (konets 40-h-50-e gg. XX v.)* [The birth of suburban America. Social impacts and public perception of the process of suburbanization in the U.S. (late 40-ies-50-ies of the XX century)]. Moskva: Editorial URSS.
8. *O Peterburgskoy strategii sohraneniya kulturnogo naslediya. Postanovlenie Pravitelstva Sankt-Peterburga ot 1 noyabrya 2005 goda № 1681 (2005)*. [About the St. Petersburg strategy of cultural heritage preservation. The decree of the Government of St. Petersburg dated November 1, 2005 № 1681]. Retrieved from: <http://docs.cntd.ru/document/8421327>